

вах громадської сівозміни, втягують непомітно до колективу всю земельну громаду... Створюється, таким чином, поступово комплексний виробничий колектив усієї земельної громади...» [8, с. 1303–1304].

Варто підкреслити, що в наведеній цитаті не міститься ідеолого-політичних постулатів, вона цілком присвячена економічному обґрунтуванню доцільності перетворення земельних громад на великі сільсько-господарські виробничі колективи. Але справа в тому, що для більшовиків політичні інтереси завжди були вище економічної доцільності. Якби на першому місці стояли інтереси економіки, зрозуміло, що потрібно було б і далі продовжувати нову економічну політику, звільняючи її від обмежень політичного характеру. З ліберальною економікою нічого спільного не мали ні політика пріоритетної підтримки бідноти, ні насадження колгоспів і радгоспів, ні хлібозаготівлі з насильницькими реквізиціями «надлишків», ні ліквідація так званого «куркульства», ні суцільна колективізація. Якби аграрна політика більшовиків кінця 20-х – початку 30-х років мала під собою реальне економічне підґрунтя, її не довелося б здійснювати тими методами, про які мова йшла вище. Те, що відбулося з українським і російським селом у зазначений період, ніяк не схоже на «непомітне втягування до колективу земельних громад». Логіку Шліхтера, Молотова та інших зрозуміти можна. Але скільки б загальних клінів не було в земельній громаді, для того, щоб їх міг обробити трактор, не потрібно віддавати останньої корови до колгоспу. Збереження одноосібного господарства не заважало здійсненню тракторизації, механізації, меліорації та інших способів інтенсифікації сільськогосподарського виробництва. На наш погляд, аграрний сектор країни міг би ефективно розвиватися на шляхах подальшого поглиблення кооперації селянського господарства в рамках вільного функціонування ринкової економіки. На жаль, дана перспектива навіть теоретично не могла здійснитися в умовах більшовицької диктатури. Ліквідація земельних громад стала, таким чином, логічним завершенням процесу підпорядкування державі селянства як соціальної групи і тих інститутів самоврядування, що функціонували в рамках цієї групи.

Джерела та література

1. Державний архів в Автономній Республіці Крим (далі – ДА в АРК). – Фонд Р-663. Центральний Виконавчий Комітет Кримської АРСР.
2. ДА в АРК. – Фонд Р-460. Народний комісаріат Робітничо-селянської інспекції Кримської АРСР.
3. ДА в АРК. – Фонд Р-29. Бахчисарайський районний земельний відділ.
4. ДА в АРК. – Фонд Р-1215. Татанайська сільрада Джанкойського району.
5. ДА в АРК. – Фонд 1. Кримський обком ВКП(б).
6. Бойко В.В. Земельные общества Крымской АССР 20-х годов XX века как органы крестьянского самоуправления // Культура народов Причерноморья. – Август 2001. – № 22. – С. 79–84.
7. Брошеван В.М. Раскулачивание в Крыму. – Симферополь: Таврия, 1989. – 120 с.
8. ВКП(б). Съезд, 15-й. 1927. Декабрь. Стенографический отчет. В 2-х ч. – Часть 2. Заседания 17 – 20 (12-19 декабря 1927 г.). – М.: Госполитиздат, 1962. – 874 с.
9. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. – М.: РОССПЭН, 2001. – 96 с.
10. Ликвидация кулачества как класса в районах сплошной коллективизации. (Сборник). – Симферополь: Крымиздат, 1930. – 139 с.
11. Маковский В.В. Политика властных органов Крымской АССР по отношению к различным слоям крестьянства в 1920-е годы // Крымский Архив. – 2000. – № 6. – С. 271–275.
12. Мона Ж.Н. В чем заключались особенности колхозного строительства в Крыму? – Крымская АССР (1921-1945) / Сост. Горбунов Ю.И. – Симферополь: Таврия, 1990. – С. 67–77.
13. О колхозном строительстве. Сборник важнейших решений ЦК и ОК ВКП(б) и Правительства. – Симферополь: Изд-е Райкома ВКП(б), 1930. – 79 с.
14. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). – Смоленск: Русич, 2000. – 512 с.

Бородин С.В.

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КРЫМУ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Цель статьи – анализ земельной реформы генерала Врангеля

При А.И. Деникине все законы и распоряжения, изданные в короткий период существования Крымской Советской Социалистической Республики, были аннулированы. Прекратилось действие и третьего советского аграрного закона. Конфискованные имения снова стали собственностью их прежних владельцев. Самовольно захваченные крестьянами земли у них отбирались и возвращались тем, кому они принадлежали ранее. Крестьянам позволялось использовать только часть урожая с захваченных ими сенокосных угодий [1].

В 1920 г. правителем в Крыму стал Врангель, который, провозгласив «новый курс», в первую очередь, обратился к решению аграрного вопроса. При этом он учел ошибки своего предшественника Деникина, полностью восстановившего дореволюционные аграрные отношения. Опыт гражданской войны диктовал Врангелю необходимость создания в деревне социальной опоры для антикоммунистического движения.

Сказывалось при этом действие и других факторов. Весной 1920 г. среди зажиточного крестьянства юга Украины наметилось кратковременное облегчение по случаю изгнания денкинцев. Но вскоре оно сменилось коммунистической продразверсткой и реквизициями [2].

В северной Таврии среди крестьян началась саботаж продразверстке, порча железных дорог, отказ от выполнения повинностей в пользу советской власти [3]. Летом 1920 г. в Крыму вышла брошюра «Вся земля народу в собственность», которая пропагандировала идеи Врангеля по земельному вопросу. Она тайно распространялась на территориях, где существовала советская власть [4]. Среди крестьянства северной Таврии стало распространяться представление о том, что в Крыму Врангель решает земельный вопрос в интересах крестьянства. Это усилило антибольшевистские настроения.

Задуманная Врангелем земельная реформа являлась подготовительным этапом к наступлению против российских советских войск. Психологическое значение этой реформы сводилось к следующему: «Крестьяне должны знать хороший закон о земле, армия, должна нести крестьянам землю на штыках». Основную задачу в области аграрной политики Врангель сформулировал так: «Поднять зажиточное и трудоспособное крестьянство, сплотив его, организовать социально и экономически, дать ему возможность охранять порядок на земле» [5].

При осуществлении своих намерений в аграрной сфере правителю пришлось учитывать, что основная масса крупных землевладельцев выступала за полную реставрацию старого помещичьего строя, что она была не согласна уступить даже за выкуп часть своей земли крестьянству. Однако имелись и такие помещики, которые сдавали часть своих земель в аренду и были не прочь за приличное вознаграждение уступить крестьянству арендуемые им земли.

В конце марта 1920 г. Врангель приказал министру земледелия Г. В. Глинке создать земельную комиссию для выработки проекта закона о земле. Правитель предложил ей в своей работе руководствоваться следующим положением: Землю на правах частной собственности передать тому, кто ее обрабатывает, исключая торговлю ею или эксплуатацию посредством аренды. Землю, превышающую установленный надел, следует отчуждать за определенную плату в пользу безземельных» [6]. В апреле 1920 г. в Ялте состоялось первое заседание комиссии. В ее состав входили Г. В. Глинка, генерал Левашов (председатель союза землевладельцев на юге России), граф Апраксин (бывший Таврический губернатор), В. Налбандов (министр торговли и промышленности), П. Зубовский (в прошлом сотрудник министерства земледелия в России), Шлейфер (бывший уполномоченный по землеустройству в Таврической губернии) В. Оболенский (председатель Таврической губернской земской управы), К. Зайцев (ученый экономист) [7].

Через несколько дней, подводя итоги работы комиссии, Г.В. Глинка на пресс-конференции заявил: «О широкой аграрной реформе речи нет. Речь идет об устройстве скорой покупки арендаторами необходимых им земельных участков» [8]. Таким образом, предложение Врангеля о немедленном проведении земельной реформы членами созданной им для этого комиссии было сведено на нет. Тогда правитель решил пойти по иному пути. Он организовал в Крыму крестьянский союз России, в которой вошло несколько бежавших из Украины зажиточных крестьян и лидер трудовиков первой государственной думы А. Аладьин [9]. Этому союзу было поручено выработать проект земельного закона и подать его на рассмотрение правителя.

Союз с поставленной задачей справился оперативно. Ознакомившись с составленным им проектом, Врангель, в целом, остался им доволен, но признал, что он нуждается в доработке. Для этого он приказал Г. В. Глинке срочно создать новую комиссию. Такая комиссия была создана и ее заседание состоялось в Севастополе. Проект Крестьянского союза в принципе был одобрен. Вскоре после этого Глинка и Зубовский составили окончательный вариант законопроекта о земле. «Глинка, – писал Оболенский, – как не противился земельной реформе, так как он имел противоположную позицию, все же по приказу Врангеля, был одним из авторов радикального земельного закона» [10].

25 мая 1920 г. Врангель утвердил закон о земле, который назывался «Правила о передачи распоряжением правительства казенных, государственного земельного банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев» [11]. Он закреплял существовавшие к моменту его издания землевладение и землепользование. «Всякое фактическое владение землями, – говорилось в его первой статье, – подлежит охране со стороны правительства от захвата, независимо от того, состоят ли они в пользовании землевладельцев на арендном праве или были захвачены ими, или поступили к ним в силу распоряжений Временного правительства или советской власти. Остаются они во владении обрабатывающих или пользующихся ими хозяев» [12].

Закон предусматривал частичное сокращение помещичьего землевладения на условиях компенсации крестьянам за изымаемые у помещиков излишки земли сверх установленных норм землепользования. За передачу их крестьянам они должны были вносить выкупные платежи.

Одновременно закон устанавливал, что сохраняются в полной мере за их владельцами, независимо от размеров их землепользования крестьянские наделные земли, земли, купленные при содействии Крестьянского банка, земли крестьян, выделенных на хутора и отруба, а также церковные, монастырские и вакуфные земли, земли, принадлежавшие учреждениям и опытным станциям, и земли, находившиеся в пользовании предприятий [13].

Закон определял, что земли общего сельскохозяйственного назначения, находящиеся в пользовании крестьян, не должны возвращаться их владельцам, если они не превышают максимальную норму земле-

владения, которая будет установлена правительством для землевладельцев. А если они превысят эту норму, то должны передаваться в распоряжение волостных земельных советов для распределения ее между другими крестьянами на условиях внесения ими за это выкупных платежей в пользу землевладельцев. Находящуюся в пользовании крестьян чужую землю закон передавал в их полную личную собственность. Выкупные платежи определялись в размере пятикратного среднего урожая за последние 10 лет. Они должны были вноситься равными частями в течение 25 лет. Ежегодный взнос составлял $1/5$ урожая [14].

Осуществление земельной реформы закон возложил на земельные советы. Волостные земельные советы должны были избираться волостными земельными сходами – по одному представителю от 10 дворов, а также всеми частными землевладельцами, независимо от размеров их владения, представителями от церковных и казенных земель и от земель, принадлежавших разным учреждениям [15]. В состав уездного земельного совета должны были входить назначенный правительством уездный посредник по земельным делам, председатель земской управы, мировой судья, представитель от ведомства финансов и представители волостных земельных советов [16]. Уездные земельные советы должны были устанавливать нормы наделения и рассматривать жалобы на действия волостных земельных советов по осуществлению реформы [17]. Законом предусматривалось полномочия волостных земств, которые предполагалось учредить в ближайшее время на основании специального закона.

Предусматривая компенсацию владельцам отчуждаемых земель закон, тем не менее, реализацию этого откладывал. Волостным земельным советам впредь до закрепления за новыми владельцами земельных участков предписывалось ежегодно вносить собираемый с них выкуп зерном в государственный фонд. Вопрос о том, как государство будет расплачиваться с прежними собственниками земли, закон оставлял открытым. Известный думский деятель И. В. Коротков в интервью газете «Великая Россия» охарактеризовал закон от 25 мая 1920 г. как продолжение аграрных преобразований Столыпина, как «смелую попытку социального переворота путем создания класса мелких собственников» [18].

Врангель предпринял меры к тому, чтобы его закон стал широко известен. Он однажды официально был опубликован в газетах. Его текст распространялся среди населения и в войсках правителя. Летчики даже разбрасывали листовки с текстами закона на территориях, занятых российскими советскими войсками. Направленные во все уезды посредники по земельным вопросам и их помощники-землемеры разъясняли закон на волостных и сельских сходах, в частных беседах с крестьянами. Тем не менее, о законе своевременно узнали не все сельские жители. Это отметил в июле 1920 г. Таврический епископ Вениамин. Он предложил для более широкой пропаганды закона использовать опыт коммунистов по пропаганде своих декретов, которые «везде задавили народ и плакатами, и картинами, и газетами, и литературой, и постоянными митингами ораторов» [19].

Нужно отметить, что закон о земле не давал ответы на многие вопросы, волновавшие в то время крестьян. Поэтому в ведомство земледелия нередко поступали от них запросы с просьбой разъяснить отдельные его положения. Сельских жителей интересовали главным образом такие вопросы: как будет применяться закон о земле для лиц, не имевших российского гражданства; по каким параметрам будет определяться средний за последние 10 лет урожай; как и кем, будут устанавливаться нормы оставления для землевладельцев и нормы наделения для крестьян [20].

Для проведения аграрных преобразований и организации волостных земельных советов в прифронтовой полосе и на освобожденных от коммунистов землях при каждом корпусе армии Врангеля были созданы гражданские части. В них вошли не только военные, но и представители гражданских ведомств, в том числе ведомства земледелия [21].

Для подготовки практических работников при Таврическом университете были открыты специальные курсы, где за 6 недель подготовили около 40 человек, которые заняли в земельных советах должности секретарей [22]. На основании положений, определенных в законе, летом 1920 г. проходили выборы в уездные выборы в уездные и волостные земельные советы. Такие советы начали действовать во всех волостях Евпаторийского уезда. 11 августа начал функционировать Донузлавский волостной земельный совет. Выборы советов проходили в непростых условиях – военное положение, хозяйственная разруха, разгар полевых работ, близость фронта. Однако к 15 сентября на территории полуострова начали функционировать 86 волостных земельных советов (всего 140 волостей) [23].

Многие земельные советы начали практическую работу по осуществлению положений земельного закона Врангеля. Она заключалась в определении размеров участков, которые должны были остаться у крупных владельцев, и норм наделения крестьян изъятими у них излишками. К 15 сентября земельные советы обследовали на своих территориях земельный фонд, определил нормы оставления земли у помещиков и нормы наделения помещичьими землями крестьян [24].

Агайский волостной земельный совет Евпаторийского уезда, разделив всю землю волости на три категории – лучшие, средние, худшие, на основании этого определил нормы оставления и нормы наделения. Для лучших земель норма оставления была определена в 150, а норма наделения в 75 дес. Для второй категории земель – соответственно 160 и 80 дес, для худших земель – 200 и 100 дес. [25].

При выработке норм принимались во внимание не только качество почвы, но и состав семьи для крестьянского землепользования, характер ведения сельскохозяйственного производства и другие факторы. Донузлавский волостной земельный совет Евпаторийского уезда разделил всех землевладельцев, у которых должна была изыматься часть земли, на три категории: 1. землевладельцы, которые постоянно ведут хозяйство. Им норма оставления была определена в 300 дес. 2. Землевладельцы, которые ранее вели хо-

зайство, но в настоящее время его не ведут. Им норма оставления тоже была определена в 300 дес., но предусматривалось, что если они в течение трех лет не приступят к самостоятельной обработке земли, то норма оставления им будет понижена до 80 дес. З. Землевладельцы, которые никогда не вели собственное хозяйство, а постоянно сдавали свою землю в аренду. Норма оставления для них была определена в 150 дес., но они должны были в течении трех лет начать вести собственное хозяйство. Если это не осуществлялось, то их земельный надел должен был уменьшиться до 80 дес. [26].

Кроме части помещичьих, закон Врангеля также предусматривал передачу в собственность крестьян казенных земель. Готовясь к осуществлению этого, ведомство земледелия составляло списки постоянных арендаторов казенных земель, определяло количество казенных земель, пригодных для передачи населению [27].

Земельный закон Врангеля вызвал одобрительную реакцию у крымского крестьянства. «Закон 25 мая, – говорилось в сообщении Евпаторийского посредника по земельным делам, – в центре интересов всего уезда. Однако закон вызывает сомнение недостаточной ясностью и медленностью его проведения» [28].

В целом Закон создавал достаточные правовые основы для осуществления аграрных преобразований на территориях, которые контролировались правительством. Однако провести их не удалось из-за того, что его власть прекратила свое существование в ноябре 1920 г.

Источники и литература

1. Мона Ж.Н. Как был реализован в Крыму ленинский декрет о земле / Крымская АССР. 1921–1945/. Вопросы-ответы. Вып.3.– Симферополь: Таврия, 1990.– С. 57–95.
2. Свободная мысль. – 1993. – №5.– С. 94–96.
3. Литературная Россия.–1989. – № 42.
4. Крымская правда. – 1993. – № 25.
5. Оболенский В.А. Крым при Врангеле. Мемуары белогвардейцев. – М.-Л.: Госиздат,1927. – 86 с.
6. Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт. – В 2-х частях. – М.: Терра,1992. – 474 с.
7. Оболенский В.А. Крым при Врангеле. Мемуары белогвардейцев. – М.-Л.: Госиздат,1927. – 4 с.
8. Революция и гражданская война в описании белогвардейцев: Деникин, Юденич, Врангель. – М.: Отечество,1991. – 508 с.
9. Вольфсон Б. Конец авантюры барона Врангеля. – Симферополь: Крымиздат, 1940. – 119 с.
10. Оболенский В.А. Крым при Врангеле. Мемуары белогвардейцев. – М.-Л.: Госиздат,1927. – 8 с.
11. Горюнова Е. А., Дементьев Н.Е. Об одном из «белых пятен» советской истории Крыма (о деятельности Комзема его Крымской секции в 20-30-е гг.) // Культура народов Причерноморья. – 1997. – №2. – С.140–143.
12. Красный архив. – 1928. – Т.1.
13. Борьба за советскую власть в Крыму. Документы и материалы. – Т.2. – Симферополь: Крымиздат, 1961. – 363 с.
14. Красный архив. – 1928. – Т.1.
15. ЦА в АРК. – Ф.Р-1668. – Оп 1. – Д.1 а / Доклады о деятельности посредника, о положении в уезде, протоколы совещаний о нужда с\х. – Октябрь 1919 – сентябрь 1920 г. – 57 л.
16. Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт. В 2-х частях.– М.: Терра, ,1992. – С.94.
17. Там же. – С. 94.
18. Коротков И.С. Разгром Врангеля. – М: Военное Издательство М.О. СССР, 1948, – С. 31.
19. Кандидов Б. Церковь и гражданская война на юге. Неопубликованные архивные материалы. – М.: Безбожник, 1931. – С. 109.
20. ЦА.в АРК. – Ф.Р-1668. – Оп. 1. – Д. 1а / Доклады о деятельности посредника, о положении в уезде, и протоколы совещаний о нуждах с\х. – Октябрь 1919 – сентябрь 1920 г. – Л. 31
21. Красный архив. – 1928. – Т.1.– С.56.
22. Там же. – С. 62.
23. Там же. – С.63.
24. Там же. – С.64.
25. ЦА в А.Р.К. – Ф.Р-1668. – Оп. 1 – Д. 2 / Журнал заседаний Евпаторийского земельного совета. – 23 сентября 1920 – октябрь 1920 г. – Л. 12.
26. ЦА в АРК. – Ф.Р-1668. – Оп.1.– Д. 4. / Переписка Евпаторийского уездного посредника по земельным делам. - Май 1920-октябрь 1920 г. – Л.6.
27. Красный архив. – 1928. – Т.1. – С.64.
28. ЦА а АРК. – Ф.Р-1668. – Оп 1. – Д. 27 / Дело о наблюдении за проведением земреформы. – Август 1920 – ноябрь 1920 г. – Л. 27.